

А. И. Жеребин (РГПУ им. А.И. Герцена)

Cultural turn в литературоведении и вопросы методики

В статье рассматриваются теоретические принципы культурологического литературоведения и их значение для модернизации филологического образования в России. Особое внимание уделяется методологии анализа интердисциплинарных дискурсов, предполагающей изучение литературно-художественных текстов как инструментов перформативной социальной практики и, соответственно, сдвиг акцента с трансляции и усвоения готового знания на методику вовлечения учащихся в процесс коллективного научного творчества.

Ключевые слова: анализ дискурса, гибридизация, идентичность, интердисциплинарность, контркультура, концептуализация, медиа-реальность, мимезис, перформативные высказывания, текст культуры, форма жизни, эпистема.

За последний год обострилась дискуссия, имеющая своим предметом т.н. легитимационный кризис литературоведения.

Все чаще можно слышать, что филология в целом и литературоведение как одна из дисциплин филологического цикла стремительно теряют авторитет и социальный статус, т. к. не выдерживают конкуренции на академическом рынке (в том числе, конкуренции с соседними общественными науками, такими как философия и антропология, история и социология, психология и педагогика).

Кажется, что наука о литературе не может внятно доказать ни своей совместимости с принципом коммерциализации науки и университета, ни

своей социальной актуальности. В подтверждение приведу цитату из недавней статьи Татьяны Венедиктовой, профессора МГУ: «На филологических факультетах царит нарастающая деморализация. Источник ее – в отсутствии понимания того, кого мы производим или воспроизводим, и для чего. Для работы в бутиках высокой словесности нужны и приспособлены немногие – так зачем факультеты? Слухи о том, что вот-вот придут бюрократы-менеджеры и сократят нас за ненужностью, циркулируют стойко и не способствуют бодрой познавательной активности. Формируются индивидуальные и реже коллективные научные деланки, но обмен между ними ограничен отсутствием общего интереса и общего языка. Временами всплывает смутная тоска: нам бы методологический семинар устроить, как бывало, но разумеется не так, как бывало, а как? Неизвестно. От тоски успешные семинары не самозарождаются» [2, 27].

По мнению С.Л. Козлова, наступает «осень филологии», а придет ли весна – вопрос спорный [6]. Статья «Осень филологии», опубликованная С.Л. Козловым в прошлом году вызвала множество откликов. Среди них – заметка американского русиста Кевина Плата, который свидетельствует: «В США осень филологии давно уже наступила; и лингвистика, и литературоведение давно прекратили свое существование как отдельные дисциплины» [12, 36]. Кевину Платту кажется, что в России этого боятся, а бояться не следует. Литературоведение должно стать одной из наук о культуре, т.е. изучать художественную литературу с точки зрения ее социокультурной функции в современном мире, как один из инструментов формирования культурной идентичности, персональной, национальной, гендерной. Иронизируя над русскими коллегами, Платт рассказывает анекдот о каком-то «видном российском специалисте», который ему, якобы, сказал: «Пусть ученые на Западе посвящают себя изучению кривоногих черных женщин, мы в России будем по-прежнему заниматься Данте, Шекспиром и Пушкиным» [11, 71].

Что касается черных женщин (почему кривоногих – не знаю), то мне вспоминается рассказ Генриха фон Клейста «Обручение на Сан-Доминго» (1811), в котором трагическая история любви француза и мулатки разворачивается на фоне негритянского восстания против французских колонизаторов на острове Гаити; в XVIII веке остров назывался Сан-Доминго. События происходят в 1791 году, на фоне Французской революции, и вся новелла представляет собой сплошную эскалацию насилия – белых над черными, черных над белыми.

Проблема насилия, выдвинувшаяся в европейской культуре на первый план после якобинской диктатуры, осложняется у Клейста проблемой расовых различий в природе человека. Клейст опирался на исторические факты, изложенные в трудах одного французского (Луи Дюброка) и одного английского ученого (Маркус Рейнсфорд), но культурологический подход к проблематике его новеллы требует обращения не только к непосредственным ее источникам, но и ко всему корпусу текстов второй половины XVIII века, связанных общей для них темой расового насилия. Таковы репортажи о негритянских восстаниях, публиковавшиеся в европейской прессе, речи политических деятелей, личные письма и дневники очевидцев, легенды и анекдоты, имевшие хождение в обществе, сочинения историков и антропологов. Как показала Барбара Грибниц, лишь незначительная часть этих сочинений оправдывает восставших, их месть белым угнетателям. Подавляющее же большинство текстов последовательно исключает социально-политическую мотивировку «черного восстания» и реализует властную функцию дискурса, доказывая, что «естественный человек» Руссо, во всяком случае, чернокожий, это агрессивный зверь, которому чужда мысль о святости человеческой жизни [19].

Исторический дискурс – это и есть вся совокупность интердисциплинарных текстов, конструирующих ту или иную проблему, исходя из идеологических установок, политических интересов, уровня знаний и риторической нормы своего времени. Вступая в пространство

дискурса, каждый новый текст переворачивает наше представление обо всех предшествующих, трансформирует сложившийся до него порядок. Трансформирует его и новелла Клейста, в которой расовая ненависть лишена антропологической мотивировки, а оппозиция биологического и социального смещена в этический план [14, 174-180].

Клейст и его новелла интересуют культуролога не сами по себе. Ему надлежит выяснить, как участвует текст Клейста в формировании дискурса расового насилия, и как он его деконструирует. Поскольку же дискурс развивается и трансформируется вплоть до сегодняшнего дня, то «на другом его конце» исследователь должен заметить и оценить все те явления, которые в него вписываются, продолжая его наращивать. Они могут свидетельствовать о том, например, что противоречивость дискурса, наметившаяся уже в XVIII века, возрастает в наши дни, и сегодня он порождает такие противоречия как, с одной стороны, Барак Обама, а с другой – бесчинства молодежи из бывших колоний на окраинах Парижа. Не наследники ли они свирепого негра Конго Гоанго из новеллы Клейста?

Дочь Конго Гоанго зовут Тони. Она метиска, типичный гибридный субъект, анализ которого ввели в моду американские авторы т.н. постколониальной теории личности – Хоми Бхаба, Эдвард Саид, Джудит Батлер [7].

Еще одна темнокожая женщина – это Кармен. Рассказчик в новелле Мериме не может ею налюбоваться, в том числе ее красивыми ногами. Культ женской ножки может рассматриваться как самостоятельный дискурс, способный предоставить материал не для одного исследования по культурологическому литературоведению [15]. Но для новеллы Мериме важнее другой дискурс – цыганский.

Конечно, в его рамках должны найти себе место и Пушкин с его «Цыганами», и проблема локального колорита, и жанровая поэтика романтической поэмы, и нарративная структура реалистической новеллы, и трактовка образа Кармен в опере Жоржа Бизе, и, возможно, цыганки

Сервантеса, цыганки голландского художника XVII века Франса Хальса, цыганские мотивы в поэзии Блока и многое другое. Но при всем разнообразии возможной тематики, главная задача дискурсивного анализа должна заключаться в том, чтобы показать, как европейское сознание той или иной эпохи конструировало цыганскую идентичность, как проводилась граница между «своим» и чужим».

Анализ дискурса требует одинакового внимания ко всему культурно-историческому «архиву» изучаемой проблемы. Здесь недопустима иерархическая организация текстов, ведущая к пренебрежению тривиальной литературой или документальными источниками. Новелла Мериме здесь не более интересна, чем самый дешевый романс, чем самый пошлый телефильм о судьбе цыганского барона или чем документы, зафиксировавшие уничтожение цыган в нацистских концлагерях. Как писал Стивен Гринблатт, значение «нового историзма» – научного направления, производного от анализа дискурсов – определяется готовностью «читать все текстуальные следы прошлого с тем вниманием, которое по традиции доставалось только литературным текстам» [18,14].

Конечно, один человек изучить все это не может; нужны историки, философы, антропологи, этнографы, искусствоведы, музыковеды – нужен междисциплинарный проект, в рамках которого один исследователь будет заниматься прелестными ножками, а другой нацистскими лагерями.

Принципы дискурс-анализа ставят под вопрос не только традиционный жанр научного исследования, но и традиционный академический курс по истории литературы, состоящий, как правило, из серии монографических лекций, посвященных тому или иному автору. Возьмем, например, лекцию о творчестве Бодлера – одну из ключевых тем в курсе западноевропейской литературы XIX века. Скорее всего, лектор, остановится на стихотворении «Парижское сновидение», отметит его связь с эссе «Искусственный рай», упомянет об учителях французского поэта – Томасе де Квинси и Эдгаре По. Возможно, что от бодлеровской «Жажды

бесконечного» (название главы из «Поэмы о гашише», вошедшей в книгу «Искусственный рай») он перейдет к теории ясновидения Артюра Рембо, включив ее в контекст декадентской опиомании и авангардистских эксцессов с фрейдистской подкладкой. Но едва ли он решится ввести понятие «психоделический дискурс», потому что это особая большая тема, которая потребовала бы слишком пространных пояснений. Они не только окончательно разрушили бы единство впечатления от поэзии Бодлера, но и увели бы слишком далеко за пределы литературного поля.

Другое дело, если бы дисциплина, предназначенная для студентов-филологов, носила название «Психоделический дискурс в культуре эпохи модерна». В таком случае, каждая из лекций должна была бы строиться как презентация группы разноплановых текстов, связанных общей трактовкой измененного сознания, а курс в целом вобрал бы в себя множество культурно-исторических явлений, историей литературы не ограниченных, хотя и не исключаяющих литературную манифестацию. Такова, например, молодежная контркультура 1960-х годов, такова история и современность войны в Афганистане, точнее, проблема афганского наркотрафика и все то, что пишут об этом сегодня политики и журналисты.

Подготовка таких интердисциплинарных курсов – задача, без сомнения, столь же увлекательная, сколь и трудновыполнимая. Не продолжают ли сегодняшние наркочилеры ту же борьбу против протестантской этики и буржуазной культуры здравого смысла, которая вдохновляла больших поэтов XIX века? Возможно, это так. Но для того, чтобы подвергнуть анализу варианты и динамику психоделического дискурса эпохи модерна, чтобы показать, как люди в течение двух столетий экспериментировали со своим сознанием, как проводили они границу между болезнью и здоровьем, счастьем и несчастьем, нужно быть или Мишелем Фуко, или собрать междисциплинарный коллектив участников большого проекта, в котором будут участвовать политики и экономисты, врачи и психологи, журналисты и соцработники.

Прав в этом смысле Кевин Платт, когда он пишет, что прошло время индивидуальных исследований [12, 36]. О том же пишет и немецкий профессор Риккардо Николози, который справедливо относит «культурологический поворот» в Германии к середине 1990-х годов и отмечает: «Хотя индивидуальные публикации статей и книг в рамках границ классических дисциплин все еще встречаются, они больше не дают ни денег, ни славы. Символический капитал и капитал финансовый в немецком академическом мире приобретает тот, кто осуществляет крупные исследовательские проекты интердисциплинарного характера» [10, 82]. В качестве примеров он приводит несколько «грантовых кластеров» - «Культурные основы интеграции», «Эксперимент в науке и литературе», «Поэтика научного знания», «Языки эмоций» [Там же].

Примечательно, что проект по изучению эмоций получил недавно отрадное продолжение на материале русской истории и литературы. Это книга под названием «Российская империя чувств» (13) – ряд интересных статей по истории или теории сильных чувств и острых ощущений, поскольку они в значительной степени определили образ человека в русской литературе. Вводная статья Шаммы Шахадат называется «Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения» [13, 37-51].

Следует подчеркнуть, что такие выражения как «поэтика отвращения», «поэтика истории», «поэтика научного знания» – больше, чем метафоры. Мы привыкли понимать термин поэтика в двух вариантах – это либо *ars poetica*, т.е. свод нормативных правил стихосложения, либо это система структурных особенностей самого поэтического произведения (направления, жанра) и совокупность закрепленных за ними смыслов. Но греческое слово поэтика неразрывно связано со словом *poiesis*. У Аристотеля оно означает деятельность воображения, а в науке наших дней – вообще всякую мыслительную и языковую деятельность, поскольку она имеет перформативный характер и, генерируя смысл, творит реальность [4, 110].

Как известно, онтологизация художественных образов – один из лейтмотивов модернистской эстетики от романтизма до авангарда [21]. В противоположность мимезису *poiesis* - не подражание действительности, а ее производство, моделирование. В эпоху структурализма и, особенно, постструктурализма все области культурной деятельности стали рассматриваться как производство текстов, а совокупность продуктов этой деятельности – как сложно устроенный «текст культуры», как своего рода произведение искусства. Мы все – его авторы и одновременно персонажи. Мы непрерывно создаем и пересоздаем его из своих эмоций и поступков, мыслей и слов - в актах коммуникации.

Определениям культуры несть числа, но в семиотическом аспекте культура – это виртуальная медиа-реальность, единственная которой мы обладаем. Одно из самых ясных определений дал Умберто Эко в книге «Знаки» (1973). Он писал, что культура – это способ упорядочивать жизненный опыт при помощи знаковых микроструктур, бинарных оппозиций [Есо, 186]. Назову ряд произвольно выхваченных примеров: субъект и объект, внешнее и внутреннее, личное и общественное, фикция и реальность, причина и следствие, правда и ложь, добро и зло, невинность и греховность, красота и уродство, смешное и серьезное, жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе, здоровье и болезнь, норма и аномалия, верность и измена, сила и слабость, насилие и свобода, наконец, природа и культура. Но список почти неисчерпаем, причем оппозиции допускают классификацию по различным уровням – экзистенциальному, этическому, когнитивному и т.д.

Если кто-то проводит границы между членами этих оппозиций иначе, чем мы, перед нами люди другой культуры; когда границы начинают смещаться, в культуре происходят более или менее заметные исторические сдвиги.

Именно такое или близкое к этому понимание культуры фундаментально «культурологический поворот» в литературоведении. Что значит

рассматривать литературу как часть культуры? Что тут нового? Разве не старались мы всегда изучать литературу в контексте культуры, разве не называем мы свои учебники «литература и культура такого-то века»? Но все дело в том, что, воспитанные на теории отражения, мы не привыкли литературу онтологизировать, т.е. признавать, что литература – это не мимезис, а *poiesis*, форма социальной практики и социальной активности. По знаменитой формуле Стендаля, литература – это зеркало, проносимое по дороге («Красное и черное»). Можно, однако, думать и по - другому: литература - это сама дорога, все, что на ней находится и происходит, или, как формулирует Михаил Ямпольский, «идеи нашего сознания так же реальны, как камень у дороги» [16, 78]. Ведь когда мы сегодня говорим «эпоха Реставрации», мы, прежде всего, подразумеваем, пожалуй, именно ту реальность, которую воплотил в своих произведениях Стендаль – не менее влиятельный архитектор европейской действительности 1820-х годов, чем, предположим, князь Меттерних. Реальность истории реальна постольку, поскольку она пропущена сквозь тексты, в которых она концептуализирована. Отсюда следует, что, изучая тексты, в том числе литературно-художественные, их генезис, структуру и функции в пространстве дискурса, мы изучаем один из видов социальной практики, изучаем общественный, индивидуальный и повседневный опыт созидания и переживания самой жизни.

Производить и потреблять тексты есть по существу то же самое, что производить и потреблять продукты любой другой человеческой деятельности. Делать стихи и понимать стихи, делать науку и пользоваться ее плодами, делать детей и их воспитывать, делать революцию и отчаиваться в ее результатах – все это взаимосвязанные формы социальной активности, которые Витгенштейн назвал «формами жизни», а также - исходя из языкового характера любой человеческой деятельности – «языковыми играми» [2, 80- 91].

Через четверть века, в середине 1960-х годов Мишель Фуко предложил другие, но близкие по смыслу термины – дискурсы, дискурсивные практики, обуславливающие их эпистемы. Именно эти термины, нашедшие широкое и разнообразное применение на Западе, и сегодня представляются мне, как и некоторым участникам дискуссии на страницах НЛЮ, наиболее полезными для того, чтобы изучать литературу в социокультурном аспекте, как одну из форм социальной деятельности. Если литературоведение нуждается в модернизации, то следовало бы сосредоточиться на том, чтобы всесторонне освоить процедуру анализа дискурсов, в том числе практики их атрибуции и присвоения, наращивания и типологизации, их перевода с одного дискурсивного языка на другой [8;5].

Интердискурсивный перевод касается не только т.н. «специальных дискурсов», литературного, философского, юридического и т.д. Постоянные перекодировки и пересмотр границ, трансгрессии и конфликты характеризуют всю обширную парадигму дискурсивных практик, регулирующих социальное поведение человека в истории и в литературе [17]. Если, с одной стороны, дискурс представляет собой совокупность текстов, то, с другой, в каждом отдельном тексте сплетается несколько дискурсов, друг друга либо поддерживающих, либо опровергающих. Так, в упомянутой выше новелле Клейста «Обручение на Сан-Доминго» революционный дискурс вступает в сочетание с расовым, а последний сплетается с поддерживающим его гендерным дискурсом о женщинах-отравительницах, который на протяжении столетий генерировал устойчивое представление о том, что яд – оружие женской мести, мотивированной либо бурной страстью, либо коварным расчетом [22]. Но в конце новеллы доминирующий дискурс вражды и насилия внезапно теряет власть, уступая ее этическому дискурсу любви, утверждающему себя ценой смерти героев.

Особого внимания заслуживает вопрос о национальных границах дискурса. Ведь не только мулатка гибридный субъект, но и такой, например, писатель как Набоков и далеко не он один. Как известно, начиная с XVIII

века, русский интеллигент – субъект в большей или меньшей степени гибридный, в котором сошлись, переплелись Восток и Запад, русское и европейское [3]. Изучение гибридной ментальности требует всего арсенала компаративистики, но в его новом, культурологическом применении, с опорой на иностранный опыт, накопленный, в частности, в рамках т.н. «постколониальной теории» [9].

Как справедливо подчеркнул Марк Липовецкий, литературные тексты и литературная среда хотя и перестают быть в рамках этой исследовательской программы абсолютным центром, но и не оттесняются на отдаленную периферию, потому что «литература была и остается одной из важнейших лабораторий, в которой дискурсы зарождаются, испытываются на прочность, наращиваются или умирают» [8, 41].

. Что означал бы культурологический поворот применительно литературному образованию? Очевидно, самое радикальное обновление всей его методики. Мы привыкли учить тому, что знаем сами. Сначала наука, потом адаптация (с большей или меньшей степенью упрощения) полученных готовых результатов в учебниках и лекциях. Но учебников и лекций по анализу дискурсов еще не существует, и самих дискурсов еще не существует, их надо сконструировать, создать, исходя из актуальных вопросов современной жизни, развернуть из настоящего в прошлое культуры. Значит, надо решиться учить тому, чего мы и сами еще не знаем. Учить, вовлекая учащихся всех уровней в процесс изучения, в процесс формирования еще не сложившихся дискурсов. Можно ли перестроить образовательный процесс таким образом, чтобы главной формой обучения стала не трансляция готового знания, а совместное научное творчество? Думается, что дело идет к этому, хотя конкретные формы обучения через практику коллективной научной работы нуждаются в детальном продумывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венедиктова Т. Осенняя эстетика. И прагматика // НЛО № 110 (2011), с. 27-29.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994.
3. Гончарова О.М. Власть традиции и «Новая Россия» литературном сознании второй половины XVIII века. Спб., 2004.
4. Каллер Д. Теория литературы. Краткое введение. М., 2006. С. 110.
5. Калинин И. Время кризиса и бремя манифестов. Филология на повороте // НЛО. № 113 (2012). С. 47-52.
6. Козлов С. Осень филологии // НЛО. № 110 (2011). С. 15-22.
7. Крюгер В. Идентичность – альтернативность – гибридность в теоретических дискуссиях: Эдвард В. Саид, Джудит Батлер, Хоми К. Баба // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII-XX веков. Материалы конференции. Апрель 2008, Тверь/ Под редакцией Р. Нойхель, Ф. Карл, Э. Шюре. М., 2010. С. 25-42.
8. Липовецкий М. Конец застольного периода // НЛО. № 113 (2012). С. 37-42.
9. Мурашов Ю. Гибридные структуры в русской культуре. Перевод с рукописи, предоставленной автором.
10. Николози Р. Антропологический поворот в литературоведении. Примечания из немецкого контекста // НЛО. № 13 (2012). С. 80-84.
11. Платт К.М.Ф. Аутсайдеры в обители культуры // НЛО. № 113 (2012). С. 69 -103.
12. Платт К.М.Ф. Катакомбы филологии. НЛО № 110 (2011), с. 34-36.
13. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010.
14. Федоров Ф.П. Генрих фон Клейст. Даугавпилс, 1995.
15. Ханзен-Леве А. Нулевые формы женственности в творчестве Гоголя. Перевод с рукописи, предоставленной автором.

16. Ямпольский М. Без большой теории? // НЛО, № 110, (2011). С.59-78
17. Bachmann-Medick D. Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbeck bei Hamburg, 2010.
18. Greenblatt St. J. Learning to Curse. Essays in Early Modern Culture. New York: Routledge, 1990.
19. Gribnitz B. Schwarzes Mädchen, weisser Fremder. Studien zur Konstruktion von Rasse und Geschlecht in Heinrich von Kleists „Verlobung in St. Domingo“. Würzburg, 2002.
20. Eco U. Zeichen. Einführung in einen Begriff und seine Geschichte. Übers. v. G. Memmert. Frankfurt/M., 2004.
21. Vietta S. Ästhetik der Moderne. Literatur und Bild. München, 2001.
22. Weiler I. Giftmordwissen und Giftmörderinnen. Eine diskursgeschichtliche Studie. Tübingen, 1998.